

К. Ю. Лаппо-Данилевский

Архивные дары Эрец-Исраэля русской культуре

DOI: 10.53953/08696365_2024_190_6_356

От Шолом-Алейхема до Ивана Бунина / Под ред. В. Хазана.

Jerusalem: Studio Click, 2022. 686 с. (Русская история и культура
в архивах Израиля. Кн. I).

**Марголин Ю. Путешествие в страну ээка; дорога на запад;
поэзия** / Сост. и ред. М. Шаули; вступ. статья В. Хазана.

Иерусалим: Studio Click Ltd, 2023. 704 с. (Русская история
и культура в архивах Израиля. Кн. II. Ч. 1).

Марголин Ю. Письма / Сост. и ред. В. Хазан.

Иерусалим: Studio Click Ltd, 2024. 750 с. (Русская история и культура
в архивах Израиля. Кн. II. Ч. 2).

**Леонид Пастернак, Василий Кандинский, Исаак Бабель,
Исайя Берлин и другие...** / Под ред. В. Хазана.

Jerusalem: Studio Click, 2023. 664 с. (Русская история и культура
в архивах Израиля. Кн. III).

В 2019 г. под грифом Еврейского университета в Иерусалиме был опубликован первый том масштабной научной серии «Земля Израиля и русские эмигранты в Европе: контакты, взаимосвязи, коммуникация, взаимодействие (1919—1939)» (к настоящему моменту из печати вышло уже пять книг серии)¹. В 2022 г. В.И. Хазан, ее главный редактор, начал издание еще одной, не менее масштабной серии «Русская история и культура в архивах Израиля», которой и посвящен настоящий обзор.

В первой серии рассматривались бытование русской культуры в изгнании после 1917 г. и судьбы русскоязычной интеллигенции в Палестине. Ее архивно-публикаторский характер проявился прежде всего в том, что она вводит в научный оборот под вполне определенным тематическим углом зрения новые материалы, рассеянные по всему миру. Серия «Земля Израиля и русские эмигранты в Европе» обращена в первую очередь к англоязычному читателю, поэтому все предисловия, пояснения и комментарии в ней даны в английском переводе. Впервые публикуемые или цитируемые документы приводятся и на языке оригинала (русском, немецком, а порой и французском), и в английском переводе.

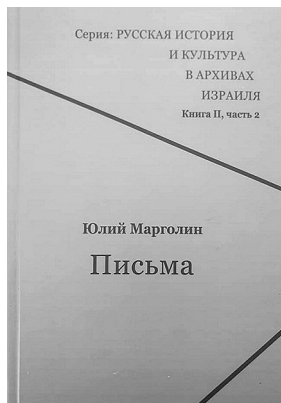
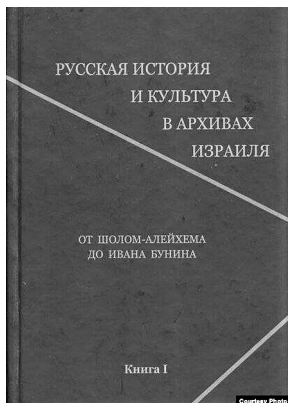
Новая серия «Русская история и культура в архивах Израиля» преследует схожие цели, однако решаются они несколько иначе и на несколько ином материале. Во-первых, в фокусе исследовательского внимания находятся артефакты и документы, связанные с исторической и культурной жизнью России и «занесенные ведомыми или неведомыми ветрами» в Эрец-Исраэль. В общем предисловии к серии Хазан

1 Russian Philosophy in Exile and Eretz-Israel. Jerusalem: Hebrew University of Jerusalem, 2019—2023. Vol. I—V. См. мою рецензию на первый том: Русская философия в Земле Израиля // Новое литературное обозрение. 2022. № 173. С. 383—387.

так поясняет избранные принципы отбора: «...материалы, о которых идет речь, должны а) находиться в государственных или личных израильских архивах; б) быть связанными своим происхождением с историей и культурой России; в) представлять известную научную и общественную ценность» (кн. I, с. 8). Во-вторых, в серии возможна републикация ранее напечатанных материалов, но при этом они должны быть выверены, исправлены и сопровождаться расширенным и уточненным комментарием. Подобные публикации, по мнению Хазана, необходимы как для устранения многочисленных неточностей, которые продолжают тиражироваться, так и для углубления наших знаний о деятелях русской культуры. В-третьих, серия обращена в первую очередь к русскоязычному читателю — предисловия, сами документы и комментарии, в отличие от серии предыдущей, на английский язык не переведены. Если на настоящий момент в серии «Земля Израиля и русские эмигранты в Европе» заметен философский и историко-политический крен, то серия «Русская история и культура в архивах Израиля» скорее литературоцентрична, хотя в ней также уделено немало места истории живописи и театра. Существенно и то, что при комментировании, восполнении лакун, выстраивании корреспонденции авторы серии отнюдь не ограничивают себя архивами Израиля, обильно черпая документы из хранилищ по всему свету².

Нельзя не отметить и близость серий, в значительной мере обусловленную личностью их главного редактора В.И. Хазана. Она выражается и в характере подачи материала, и в круге сотрудничающих с ним авторов, и в том, что у обеих серий есть общие любимые герои, и в том, что в них неоднократно происходит обращение к одним и тем же архивам — как, например, к обширнейшему комплексу документов семейства Шоров, хранящемуся в Отделе рукописей и редких книг Национальной библиотеки Израиля.

В настоящий момент в серии «Русская история и культура в архивах Израиля» опубликовано три книги.

Первая и третья книги серии выстроены по различным принципам. В первой шесть разделов, в каждом публикуются материалы из какого-то одного архива: из Архива Шолом-Алейхема (Тель-Авив), Института Жаботинского в Израиле (Тель-Авив), Отдела рукописей и редких книг Национальной библиотеки Израиля (Иерусалим), Государственного архива Израиля (Иерусалим), Архива Ассоциации ивритских писателей Израиля и, наконец, из личного архива Р.Д. Тименчика. Структуру третьей книги определяют персоналии, в чем нетрудно убедиться из названий его

2 Так, например, ряд писем приводятся по Государственному архиву Российской Федерации, Гуверовскому институту (Стэнфорд) и т.п.

пяти разделов: I. Леонид Пастернак и еврейский мир (Материалы к теме); II. Василий Кандинский и Евсей Шор; III. Исаак Бабель; IV. Исайя Берлин; VI. Шохана Авивит. В разделе V, озаглавленном «Издательство им. Чехова», в центре внимания значение для этой эмигрантской организации деятельности двух выдающихся личностей — Веры Александровны Александровой (урожд. Мордвиновой; в замуж. Шварц; 1895—1966) и ее мужа Соломона Мееровича Шварца (собств. Моносзон; 1883—1973), ее неизменного соратника. Достаточно указать на то, что он нередко брал на себя ее эпистолярные обязанности, отвечая от имени жены авторам, как то отмечает Т. Позднякова, публикующая в этом разделе переписку Издательства им. Чехова с И.А. и В.Н. Буниными, М. Алдановым, А.Ф. Даманской, Дон-Аминадо, В.С. Яновским.

Не претендуя на исчерпывающую полноту описания серии, хотелось бы коснуться наиболее интересных и значительных в культурно-историческом плане комплексов документов, представленных в ней. Их первый обильный пласт связан с именами деятелей русской культуры, которые сформировались еще во второй половине XIX в. и чьи заслуги к началу Первой мировой войны обрели всеобщее признание. В данном контексте стоит указать на эпистолярные диалоги, состоявшиеся между крупнейшими еврейскими и русскими писателями — Шолом-Алейхемом и А.В. Амфитеатровым (публикация В.И. Хазана и Л.Г. Жуховицкой), И.А. Буниным и Залманом Шнеуром (публикация В.И. Хазана и Г. Вайсбляя). Неизменный интерес к творчеству друг друга, выражавшийся в желании познакомить собственную аудиторию с произведениями корреспондента и в связи с этим способствовать поиску хороших переводчиков, а также схожие сложности с издателями, — вот далеко не полный перечень тем этой переписки. К тому же старшему поколению относятся прозаик и художник А. М. Федоров, чьи мемуары о В.Е. Жаботинском подготовлены к печати Хазаном.

Выше уже упоминалось исключительное богатство архива семьи Шоров, предоставившего ценнейший материал для публикаций как в первой, так и в третьей книгах. Сохранившиеся документы связаны главным образом с многолетней творческой деятельностью Давида Соломоновича Шора (1867—1942), выдающегося музыканта, и его сына Евсея Давидовича Шора (1891—1974), журналиста, педагога, музыкального деятеля и переводчика, чья фигура в последние годы привлекает все большее внимание исследователей (достаточно указать на работы о нем Д.М. Сегала, Н.М. Сегал (Рудник), В.И. Хазана, М. Вахтеля, В. В. Янцена и др.)³.

В первой книге по материалам архива Шоров подготовлены следующие публикации: Н. Подземская освещает ряд драматичных обстоятельств судьбы московского семейства Габричевских после переворота 1917 г.; Е. Соломински публикует переписку Е.Д. Шора с Я.Л. Тейтелем, состоявшуюся в 1933 г., ее центральная тема — отъезд корреспондентов из Германии; В. Хазана интересуют отношения Е.Д. Шора, его жены и тестя с двумя художниками — К.А. Коровиным и С.О. Фиксом; в заключение В. Хазан повествует о тех духовных узах, что связали с Палестиной две контрастные личности — В.Б. Фохта (он же о. Гавриил), поэта и православного монаха, и К.К. Памфилову-Зильберберг, участницу эсеровского террора 1900-х гг., на всю жизнь сохранившую верность социалистическим идеалам.

В книге третьей архив Шоров оказывается востребован в двух разделах: в первом из них, «Леонид Пастернак и еврейский мир (Материалы к теме)», А.Ю. Сергеева-Клятис и В.И. Хазан напечатали письма Леонида Пастернака к Давиду Шору;

3 Библиографию важнейших работ о нем и реконструкцию биографии см. в статье: *Khazan V. "Spiritual renewal of the homeless world" (introduction to the volume) // Russian Philosophy in Exile and Eretz-Israel. Jerusalem, 2019. Vol. I. Pt. 1. P. 51—166.*

во втором, «Василий Кандинский и Евсей Шор», помещено обширное документальное исследование Н.М. Сегал-Рудник «Параллельные пути: РАХН и Баухауз, 1922—1923 (Василий Кандинский и Евсей Шор)». В нем детально рассмотрено, как концепция художественной деятельности Российской академии художественных наук, выдвинутая Кандинским и поддержанная Шором, столкнулась с ожесточенным противодействием Д.П. Штеренберга и О.М. Брика. Их чекистские связи предрешили исход противостояния: намечившееся сотрудничество РАХН и Баухауза не состоялось, а Кандинский и Шор предпочли в 1923 г. остаться в Германии.

Обширный фонд Юлия Борисовича Марголина (1900—1971) в Центральном сионистском архиве в Иерусалиме стал основой второй книги серии, представляющей собой собрание сочинений автора, чье литературное творчество сыграло исключительную роль в донесении правды о сталинских лагерях до широкой читательской аудитории на Западе. Формируясь как личность, Марголин испытал глубокое воздействие культур нескольких народов. Марголин и его близкие, проживавшие в Пинске, после государственного возрождения Польши стали ее гражданами. В 1923—1929 гг. Марголин учился на философском факультете Берлинского университета, где в 1929 г. защитил диссертацию. В студенческие годы он близко общался и с русскими эмигрантами, и с сионистскими кругами. Эти контакты не прервались и после того, как после завершения образования Марголин возвратился в Польшу, откуда вместе с семьей в 1936 г. эмигрировал в Палестину. Приехав по делам в Польшу в 1939 г., он после начала нацистского вторжения бежал на территорию, вскоре занятую советскими войсками. После ареста НКВД в июне 1940 г. и пяти лет, проведенных в сталинских лагерях, Марголин в марте 1946 г. покинул СССР как польский гражданин и осенью того же года воссоединился с семьей в Палестине. Столь насыщенная перипетиями жизнь способствовала тому, что писательское наследие Марголина разноязычно: отдельные сочинения на идише, иврите, польском, немецком и в высшей степени многочисленные на русском. Это в немалой степени объясняется тем, что интенсивная литературная деятельность Марголина развернулась лишь во второй половине 1940-х гг. и главным импульсом для нее стало желание поведать миру о страшном лагерном опыте.

Свой *opus magnum* «Путешествие в страну зе-ка» Марголин создал на одном дыхании — в период с 15 декабря 1946 г. по 25 октября 1947 г. Куда больше времени и сил потребовалось, чтобы добиться издания книги, — лишь в 1952 г. Издательство им. Чехова опубликовало ее сокращенный вариант⁴. В полном виде, так, как ее задумал автор, «Путешествие...» вышло из печати лишь в 2017 г. в Иерусалиме. Это издание, подготовленное Мишей Шаули, целиком воспроизведено в первой части второй книги серии «Русская история и культура в архивах Израиля». Кроме того, здесь напечатаны: «Дорога на Запад» (рассказ о том, что происходило с Марголиным после освобождения вплоть до приезда в Палестину) и его лагерные стихи.

Вторая часть второй книги — публикация эпистолярия Марголина, яркой летописи его хождения в эмигрантские литературу и публицистику и полноценной творческой жизни в дальнейшем, несмотря на его удаленность от главных центров русского рассеяния.

Переписка, различная по степени теплоты и откровенности, связывала Марголина с редакторами крупнейших периодических изданий зарубежья: Р.А. Абрамовичем (журнал «Социалистический вестник»), М.Е. Вейнбаумом (газета «Новое

4 Русскому изданию предшествовал французский перевод, поспешно сделанный Н.Н. Берберовой и Миной Журно: *Margolin J. La condition inhumaine: Cinq ans dans les camps de concentration soviétiques* / Trad. par N. Berberova et M. Journot. Paris: Calmann-Lévy, 1949. Ряд глав были напечатаны в периодике и по-русски, и в переводах.

русское слово»), С.А. Водовым (газета «Русская мысль»), Р.Н. Гринбергом (журнал «Опыты», альманах «Воздушные пути»), Р.Б. Гулем (журнал «Народная правда» и «Новый журнал»). С последним из них Марголин поддерживал длительную и особенно сердечную переписку (она занимает почти 300 страниц), что отчасти объясняется знакомством писателей еще по русскому Берлину 1920-х гг. Гуль был одним из первых, кто завязал эпистолярный контакт с Марголиным после его возвращения из СССР, и считал своим долгом помочь тому издать книгу его жизни — «Путешествие в страну зе-ка». Гуль также деятельно способствовал ее известности во Франции и публикации отдельных глав в периодике. «Новый журнал» со временем стал важнейшей трибуной для Марголина, который в течение многих лет в задушевных письмах обсуждал с Гулем свои творческие планы и важнейшие события литературной жизни. Марголин даже попытался познакомить читателей «Нового журнала» с современной польской литературой. Правда, без особого успеха — Гуль не был впечатлен романом В. Гомбровича «Трансатлантик» в его переводе.

Столь же живое и доверительное обсуждение творческих и иных планов находим в обширной переписке Марголина с Б.А. Филипповым (псевдоним Б.А. Филистинского), литературоведом, прозаиком и поэтом, составителем и редактором вместе с Г.П. Струве собраний сочинений А. Ахматовой, М. Волошина, Н. Гумилева, Н. Заболоцкого, Н. Клюева, О. Мандельштама, Б. Пастернака и др., выходивших в американском издательстве «Международное литературное содружество». Филиппов всячески способствовал бесплатной высылке Марголину этих и других книг. На отношение двух друзей никак не повлияло то, что к другому confidentу Марголина, Р.Б. Гулю, Филиппов относился с нескрываемой неприязнью, а «Новый журнал» именовал не иначе, как «архивом русского погорелого либерал-социализма».

Письма ярко высвечивают политические расхождения Марголина с его корреспондентами из социалистического лагеря. Особенно они сказались при эпистолярном обсуждении «Еврейской повести», написанной Марголиным на иврите по заказу тех, кто стремился героизировать деятельность боевой еврейской организации Иргун Цвай Леуми, которая вела многолетнюю вооруженную борьбу с английским присутствием в Палестине. Стоит указать, что заказчики нашли недостаточно патетичным изображение главного героя повести — Исраэля Эпштейна, заложившего бомбу в британское посольство в Риме (детонировала 31 октября 1946 г.), а потому отказались способствовать ее напечатанию (она вышла в свет на русском языке в 1960 г.). Повесть вызвала отторжение и у представителей совершенно иного лагеря — например, у меньшевика Аронсона. Весьма критически к ней отнесся и эсер М.В. Вишняк, увидевший в ней черты агитки и выразивший в связи с ней свое далекое от симпатии понимание сионистского движения как «сознательного и бессознательного “эскапизма” от нееврейского освободительного и революционного движения» (кн. II, ч. 2, с. 155).

Нужно отдать должное кропотливым разысканиям Хазана, в течение многих лет собиравшего письма Марголина в фондах его знакомых по всему миру. Из его корреспондентов, чьи письма опубликованы в книге, помимо уже упомянутых, стоит назвать писателей Б. Суварина и О.В. Юркевич, журналиста Г.М. Света, актеров Л.А. Гатову и Я.Д. Жукова, Т.С. Франк, вдову философа С.Л. Франка.

До сих пор лишь один личный архив предоставил свои материалы серии. И в первой, и в третьей книгах есть публикации Р.Д. Тименчика, его владельца; обе в немалой степени связаны с биографией А. Ахматовой. В первой из них публикуются поэма «Создание мира» (1908) и девять стихотворений (1904—1905) ее почитателя и возлюбленного, художника-мозаичиста Б.В. Анрепа из альбома, подаренного Т.М. Девель исследователю в начале 1970-х гг. Эти произведения уже были опубликованы В.В. Сердечной в 2018 г., но тексты из альбома Анрепа содер-

жат ряд разночтений. В заключение Тименчик утверждает, что «стихи Анрепа покрывают одну из предпоследних недостатков в стиховом корпусе эпохи акмеизма», с чем трудно согласиться, ибо все приводимые произведения были созданы до того, как акмеизм возник, а их поэтика скорее символистская, чем акмеистская. Вторая публикация — письмо Исаяи Берлина от 19 июля 1991 г. с благодарностью Тименчику за его статью «Текст в тексте у акмеистов» (1981), незадолго до того полученную от автора. Берлин, помимо прочего, намечает несколько возможных тем, которые было бы ему интересно обсудить при следующей личной встрече (она так никогда и не состоялась). Двухстраничное письмо Берлина Тименчик сопроводил двадцатистраничным комментарием и обширным послесловием «Предыстория письма», в котором подробнейшим образом рассматривает историю знакомства Ахматовой и Берлина и разнообразные свидетельства о нем, порой весьма противоречивые и восходящие к устным рассказам самой Ахматовой.

Важной особенностью рассматриваемой серии является то, что предисловия к публикациям разрастаются до отдельных биографических очерков, тематически отдаляясь от печатаемых документов. Желание уточнить, дополнить, изложить подробнее, заявленное в предисловии Хазана к серии, проявляется здесь в полной мере. Так, двум письмам А.Ф. Даманской к М.Ю. Берхину в книге первой предпослано весьма подробное жизнеописание этого малоизвестного литератора, составленное Анной Балестриери; несколько писем художника С.О. Фикса дают повод Хазану суммировать биографическую информацию о нем. Он же, рисуя картину четырех последних лет жизни В.Б. Фохта на основании его писем Е.Д. Шору, весьма детально останавливается на том, что предшествовало появлению поэта в 1938 г. в Палестине. Более сорока страниц составляет очерк Хазана о В.А. Александровой. Кульминационный пункт этого сюжета — превращение провинциальной барышни, восторженной монархистки, корреспондентки и поклонницы В.В. Розанова в убежденную социалистку, жену и соратницу известного меньшевика С.М. Шварца. Трём поздним письмам Шошаны Авивит к Хане Ровиной, ее сопернице по сцене, предпослана обширная преамбула, в которой Е.Л. Румановская повествует об игре Авивит в первых постановках знаменитого театра «Габима», ее жизни в Берлине, а потом и в Париже, выступлениях с чтением стихов на иврите в Западной Европе и Палестине, увлечении актрисой Бальмонта, посвятившего ей несколько стихотворений.

Героями серии оказываются не только творцы культуры, но и те, кто входил в их окружение, был близок им по духу, чьи архивы хранят их письма, знаки внимания, книги с дарственными надписями. В связи с этим имеет смысл упомянуть Виктора Александровича Залкинда (1895—1986), инженера-механика по образованию, много сделавшего для становления промышленности в Израиле. В 1922 г. он был принят А.М. Ремизовым в Обезвельлопал, «шутейный орден», основанный писателем. В разделе первой книги, посвященном Залкинду, републикованы письма Ремизова к нему, впервые напечатанные Флейшманом в 1977 г.; здесь же находим выборку из переписки Залкинда с художницей А.Н. Прегель (урожд. Авксентьевой), ученицей Н.Ф. Гончаровой и М.Ф. Ларионова, и ее мужем Б.Ю. Прегелем.

Крайне разнообразны и порой весьма объемны материалы, помещаемые в приложениях к публикациям. Они отнюдь не всегда связаны с архивами Израиля: так, письма певицы и переводчицы И.Я. Кремер к А.В. и И.В. Амфитеатровым хранятся в Библиотеке Лилли Университета Индианы в Блумингтоне; письма С.О. Фикса к Горькому были почерпнуты Ларисой Жуховицкой из архива М. Горького в Институте мировой литературы в Москве (в 2022 г. впервые опубликованы ею же в журнале «Литературный факт»). Сами по себе довольно малосодержательны за-

писочки, которые Исаак Бабель посылал по пневматической почте своему приятелю журналисту Аврааму Блаю-Ципори во время пребывания в 1933 г. в Париже. Их информационная скудость контрастирует с обилием и яркостью событий, запечатленных в мемуаре Блая-Ципори о писателе. Он был напечатан в 1971 г. на иврите в тель-авивской газете «Al ha-Mishmar» и выпал из поля зрения исследователей Бабеля. Эти воспоминания в переводе на русский язык помещены в приложении к парижским записочкам Бабеля (публикация Т.Л. Лившиц-Азас).

Нельзя не отметить, что пристальное внимание к архивно-документальной основе, постоянно проявляющееся желание дополнить, уточнить, ввести в оборот новые свидетельства, нередко приводит в серии «Русская история и культура в архивах Израиля» к отклонениям от стержневых линий изложения, к диспропорциям. Но отчасти как раз благодаря им в ней достигнута исключительная объемность документального повествования, а задача обогатить наши представления об истории России и судьбах ее культуры успешно решена. Общим для всех героев серии оказывается знание русского языка и их принадлежность или причастность к русской культуре. Те из них, кто был еврейского происхождения, либо продолжали ей служить, поселившись в Палестине, либо от нее дистанцировались, избирая языком творчества иврит или идиш. При этом русский язык сохранял для всех них свое значение при поддержании творческих и дружеских контактов, а русское искусство продолжало быть источником важнейших импульсов и впечатлений. Длительные живые связи израильских фондообразователей с русской культурой способствовали тому, что архивная жатва в Израиле дала обильные плоды. Не приходится сомневаться, что дальнейшие книги серии «Русская история и культура в архивах Израиля» будут столь же ярки, содержательны и документально насыщены.